

В е р а О р л о в с к а я

Зона

ОТЧУЖДЕНИЯ

Вера Орловская

Зона отчуждения

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961925
Зона отчуждения: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-906792-82-2

Аннотация

Новая книга Веры Орловской «Зона отчуждения» – это не только исторические аналогии, объясняющие причину происходящего сейчас на Украине, но и личная трагедия героя, через сердце которого проходит эта война, делящая его жизнь на «до» и «после». Зона отчуждения пролегает в самом человеке, пытающимся противопоставить себя зараженному ненавистью миру.

Содержание

1.	5
2.	15
3.	26
4.	36
5.	50
6.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Вера Орловская

Зона отчуждения

© В. Орловская, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

* * *

моему отцу посвящаю

«Ад пуст. Все бесы здесь».

Шекспир

«У каждого времени свой вид безумия»

П.Руднев.

1.

Каждый год летом в полнолуние, пересекая автомобильный путепровод, идущий через железную дорогу и «Мост Смерти», он выходит из города-призрака, сам похожий на призрак, и движется дальше мимо угрожающих надписей «осторожно радиация», будто по указателям, затем три километра идет пешком к четвертому блоку, упакованному в саркофаг, подобно чудовищу, заключенному в каменную клетку. Он не боится. Какая-то неведомая сила тянет его туда и ведет за собой. Что это? Странное свечение, находящееся вдалеке, которого никто не видит, кроме него? Или ясное осознание того, что должен идти? Об этом он не думает, просто знает, что так надо. Кто-то называет это радиационной зависимостью, кто-то считает его сумасшедшим. Ему все равно. Там он находит то, чего больше нет нигде – радость, похожую на эйфорию, на такое яркое и короткое счастье, жаль только, что никто не может понять, как хорошо ему. Эта ночь, проведенная на саркофаге дает здоровье, никто не верит, но один раз в год он приходит сюда, чтобы получить свою дозу, без которой у него, словно у разряженной батарейки, истощаются все силы, угасает сама жизнь, потерявшая свой главный источник, что питал ее раньше. Раньше было по-другому: солнце, любовь, чистый дождь, прозрачный ветер, хорошие мысли, надежда, что станет еще лучше.

Теперь здесь похоронено всё, и он приходит сюда: ложится, будто на могильную плиту, и как это не кажется странно, там обретает заново свою жизнь, выпитывает ее в себя, и потому держится еще на земле. Может быть, со стороны это похоже на наркотическую зависимость. И все-таки он идет, даже зная, что после возвращения то состояние силы и восторга, которое он испытывал там, перейдет в угнетенное чувство опустошенности и слабости, и такая тоска накатит в первое время, что даже водкой нельзя будет ее залить. Это эффект радиации. Болтовня. Это расплата за те мгновения, когда он пребывал в высшем качестве, потому что количество микро-рентген, превышающее всякие мыслимые нормы, не убивало его. Над головой ночное небо и хорошо виден Чумацкий Шлях, как называют на Украине Млечный Путь. Он – сверхчеловек, почти бог... Зона отчуждения – не для него: избранного, свободного. Это его независимая территория славы. Если бы все те, кто считает, что он сумасшедший, смогли бы увидеть его мысли, то каждый бы понял насколько он велик на этой земле, где упавшая Звезда Полюнь, о которой написано в древних текстах, и есть его земля – Чернобыль, Припять, Украина.

А утром он двинется в обратный путь через «Мост Смерти», вспоминая всякий раз, откуда пошло это название. Тогда, после случившейся аварии, утром 26 апреля над станцией воссияло невиданное доселе свечение, и люди, чтобы посмотреть на него поближе, бросились сюда, еще не зная,

что произошло на самом деле. Они просто хотели получше увидеть необычный свет. Потом станут говорить, что ничего такого не было, и что там находился только отряд, охраняющий мост. Станным покажется и то, что те из отряда, кто стоял ближе к Припяти, выживут все, а находившиеся на другой стороне моста все погибнут у Рыжего леса. «Рыжим» его стали называть после того, как радиация выжгла всю эту территорию и только мертвая хвоя ржавого цвета осталась вместо бывшего леса. «Это – знак, – говорили старухи». Но что за знак, никто сказать не мог. И кому он предназначался. Если украинцам, то почему? Чем прогневили они Бога? Или всё это еще было впереди? Ничего не знали, и настолько не понимали природу самой радиации, что из-за незнания или попустительства тех, кто правил в то время ими, люди умирали бессмысленно, что делало их смерти еще страшнее. Кому-то это казалась концом света, и в грязных от радиации облаках они видели как скачет «Конь Блед» над опаленной землей. Говорили, что скоро явится Бог и начнет судить людей. Но никто не явился, предстояло жить и грешить дальше.

Спустя какое-то время после эвакуации некоторые люди стали сюда возвращаться. Он вернулся раньше других. В Чернобыле и сейчас живет несколько тысяч человек, в основном обслуживающий персонал станции и те немногие, кто вернулся в свои дома. Здесь даже есть магазины, бары, кинотеатр. Только детей в этом городе нет. Вдоль дороги, ведущей к Чернобылю, с двух сторон стоят деревья сплошной

стеной, изредка сквозь нее можно увидеть полуразрушенные дома, совсем пустые: туда никогда уже никто не придет... Дорога приводит прямо к центральной проходной, к которой время от времени подъезжают автобусы, ведь люди продолжают здесь работать. За цехами видна труба разрушенного реактора, подобно обелиску. Собственно, ни какой особой защиты, кроме километровой колючей проволоки по всему периметру, нет. Подъезжающим к КПП выписывают пропуск с указанием числа пассажиров в каждой машине – и всё: можешь ехать облучаться, если так уж тебе туда надо, правда, людей до 18 лет в зону не пропускают, разве что партизанскими путями рискнешь проникнуть сам. Те, кто жили здесь раньше, приезжают сюда в основном на кладбище или к своим прежним домам, что представляют теперь из себя такое же кладбище, только из камней. Длинная вереница машин на подъезде в контрольному пункту растягивается на несколько километров – несколько часов ожидания. Сюда приходят в день чернобыльской трагедии, как в день поминовения усопших. Потом все разъезжаются, и снова становится совсем тихо.

Он живет в полном одиночестве в Припяти – в городе-призраке и считает себя настоящим сталкером, в отличие от тех, кто пытаясь заработать деньги, водит сумасшедших «туристов» в дозволенные места зоны. Он смотрит на них с презрением, как и на тех, кто стремится сюда за каким-то чертом, потому что им никогда не понять того, что знает он.

И когда падает ночь, закрывая весь этот странный, суетливый мир, он разговаривает с теми, кто жил здесь и кто уже очень далеко от этих мест и от этой жизни. Какие-то умники намалевали на стенах граффити, изображающие силуэты людей, обитающих когда-то в этом городе. Рисунки называют «тенями Хиросимы». Почему Хиросимы, если это случилось на Украине? Даже в этом была какая-то извечная трусость говорить правду людям: и живым, и даже мертвым. Что могли знать эти молодые проводники? У него было такое чувство, что показывая «достопримечательности», они даже испытывали некую гордость. А он жил здесь тогда, и вернулся туда, где жил. Это потом уже поставили черный Крест с изображенным на нем распятым Иисусом, в который раз уже погибающим за нас...

Но город умирает до сих пор, подобно человеку в коме: медленно и мучительно. Со стен его слезает слой за слоем, как кожа при лучевой болезни, штукатурка, краска. Разграбленный и разоренный еще в первые годы после того, как его покинули люди, он уже забывает их голоса. Пролеты лестниц торчат наружу как перебитые ребра, окна пустыми глазницами видят одну темноту. Он ходит по бывшим улицам, на которых еще сохранились таблички с названиями. Он заходит в Дом Культуры в пустой зал – единственный зритель этого спектакля без антракта, дящегося уже почти 30 лет. Впрочем, о времени здесь лучше не думать, его как будто бы нет, потому что нет никого, кто бы его замечал... Незаметно оно

крадется вдоль годов, месяцев, дней, притаившись в углах, обросших паутиной – весит там невесомое. Он поднимается по лестнице своего дома туда, где на балконе на выбитом цементе, пробив треснувший цемент, растет береза – такое русское дерево. Раньше он никогда не делил ни людей, ни деревья по национальности. Иногда он приносит ей попить воды, а в остальное время она ждет дождя. В город приходят звери. Сейчас их стало много. Через несколько лет после взрыва завезли сюда исчезающие виды животных и оставили выживать, а они не просто выжили, а расплодились, и теперь есть даже редкие виды, ведь человека здесь нет, а значит обижать их некому. Кто тронет? Вот так и живут себе, как в раю: птицы, волки, зубры, олени, кабаны. Они также, как он считают эти каменные разрушенные стены – своим домом – своими джунглями, и знают, что через много лет лес полностью поглотит этот истлевающий городской скелет. И всё пройдет, сотрется, прорастет травой зеленой, кустами, деревьями. И природа в который раз победит человека. И на этом кладбище домов и кораблей она одна останется живой, выбросив из себя людей, придумавших и создавших радиацию, которая в наказание им, губит их больше, чем остальных живых существ, обитающих на земле, невинных в людских злодеяниях. Звери его не трогают, принимая уже за своего. Он – смотритель мертвого города: ему можно здесь находиться.

Когда заканчивается ночь на саркофаге, напитавшись радиационным духом, он идет в обратный путь по одному и то-

му же маршруту, где сразу за колючкой лежит бывшее село, оно на самом деле уже лежит, с покосившимися к земле домами, некоторые больше не видны за разросшимися кустарниками, за бурьяном и деревьями. Здесь чаще можно встретить животное, чем человека, разве что случайного бесшабашного юнца, считающего себя сталкером или пьяную компанию, которой уже все ни по чем. Как-то он видел девушку, загорающую гольшом на теплом мхе, она спросила у него:

– А правда, что если здесь полежать, то загар держится целый год?

– Всю жизнь держится, только вот сколько она продлится у тебя эта самая жизнь...

И та соскочила тут же с земли, и нацепив на себя что-то, полуодетая убежала, как ошпаренная. Не успел он ей рассказать даже, что мох сильнее всего вбирает в себя радиацию. Зона отчуждения... Они не понимают: думают, что от радиации, да нет, от них самих эта зона, так считает он, уходя в сторону своих развалин. В самом Чернобыле у него есть небольшая квартира: осталась, когда дворником работал, а сейчас он туда ходит только поесть или чтобы с собой взять еды, половину из которой раздает по дороге собакам, узнающим его уже издалека. В своем жилище в Припяти он разводит огонь и смотрит, как оживают застывшие тени: они начинают двигаться, потом плясать, и те, нарисованные, тоже вместе со всеми. Свет пламени падает в темноту, она отступает, и они выходят... Иногда ему удается увидеть как вдоль

стены проходит молодая пара, и, пройдя сквозь нее, исчезает куда-то, держась за руки. Он думает о том, что когда-нибудь здесь будет большой красивый парк, а потом он превратится в лес. И, может быть, это станет даже лучше, чем было раньше, потому что люди все равно ничего не поняли, когда упала звезда Полюнь, и как только радиация начнет спадать, они снова появятся в этом лесу со своими ружьями и автоматами, охотясь на зверей и друг на друга. Пока он назначил себя смотрителем и сталкером, пока есть эта колючая проволока и эти устрашающие надписи, они не придут сюда. Зона отчуждения? Зона защиты? Это смотря о ком говорить...

Когда еще жили люди, никто не знал, что их жизнь так изменится. Всё оборвалось – остановилось в 1:23 в ночь с 25-го на 26-го апреля 1986 года. Бетонная крышка реактора весом в 300 тонн была выброшена вверх от теплового взрыва и подброшена на высоту 20 метров, она перевернулась в воздухе и упала обратно: легла ребром, разворотив при этом до кишок верхнюю часть реактора. Еще бы ему не помнить этого! Люди на следующий день купались и загорали, поглощая радиацию в таких дозах, что сказать страшно. И только 27-го числа по радио было объявлено распоряжение собраться всем у своих подъездов в течение часа, взяв лишь необходимые вещи и продукты питания, так как эта временная мера, и после все вернутся по своим домам. Временная...

Оказывается, что время – очень странная вещь: мгновение и вечность – это практически одно и то же, особенно для

тех, кто выпадает из него в смерть, что случилось тогда со многими. Он до сих пор не знает, почему остался жив и почему еще живет. Когда, вернувшись в пустой город, он в первый раз решил идти к реактору, то это было желанием освободиться от чувства вины, потому что его жена и двое сыновей погибли. Он хотел умереть там – на саркофаге, на этом развороченном блоке, который разворотил всю его жизнь и сожрал все, что было у него. Он шел сам на встречу с убийцей, чтобы и его тоже он сгубил, как других. Но случилось то, чего не могло случиться: он вдруг понял, что стал еще более живым, чем был до того, измученный болью телесной, но еще сильнее своими воспоминаниями, которые не отпускали его никогда: перед глазами стояли дети, а вот они вместе купаются в реке, ныряют, на берегу жена в цветной косынке, закрученной в виде чалмы – шамаханская царица, как он ее называл в шутку. Почему-то они виделись ему всегда смеющимися, и это было еще страшнее, мучительнее... Надписи «осторожно радиация» больше не пугали его. После того, что произошло, ничего уже не пугало его.

И человеческая безответственная глупость больше не удивляла тоже, когда в нынешней незалежной Украине депутат Яровивский пояснял, что если в регионе произойдет землетрясение в 5–6 баллов, то «незакрепленная крыша реактора съедет, и раздастся мощный взрыв». Да у них самих там давно крыша съехала, – думал он, потому что большего бреда не слышал за всю свою жизнь: «депутат призвал вла-

сти Украины поставить задачу перед учеными разработать технологию, которая бы позволила сократить период распада ядерных материалов со 100 лет до 4–5».

30 километров, 10 километров – зона отчуждения, но и за этой территорией радиация не заканчивалась. Зона отчуждения раздвигает свои границы, хотя свойства ее изменяются. Он знал об этом, но никому не говорил, потому что ему все равно никто не поверит и никто не услышит, ведь их сознание – за колючей проволокой, в то время, когда он смотрит на них со своей стороны – оттуда, где вместе с ним свободная и живая трава, деревья, звери и птицы.

2.

Николай Дмитриевич Омельченко, проснувшийся мартовским утром 2014 года в городе Санкт-Петербурге, не понимал, почему вдруг вспомнил о странном человеке-сталкере или, как тот сам себя называл, «смотрителе мертвого города». Во время случившейся катастрофы он уже семь лет как покинул родительский дом на Украине и уехал поступать в институт, тогда еще считая себя везде своим и не задумываясь о национальной принадлежности, потому что отец его был этническим украинцем, а мать русской. Старший брат в паспорте значился украинцем, а он русским, и никого такое «несоответствие» не удивляло. Как так могло быть? Да вот так и могло: захотел и написал «русский». В чем, собственно, вопрос?

В конце апреля восемьдесят шестого года он с женой и маленьким сыном приехал погостить к родителям на недельку, захватив майские праздники. Но уже с 26-го числа по городу пошли слухи, что под Киевом что-то взорвалось или случился пожар. Никто толком ничего не знал. А на следующий день мир услышал весть похожую на приговор, хотя не все до конца понимали всю опасность и весь ужас этого. И даже после того, как было эвакуировано население из Припяти, и на 30 километров образовалась зона отчуждения, многим казалось это событием локальным. А те, кто знал о нем больше

других, включая руководство страны, изо всех сил пытались придать всему случившемуся не столь трагический вид. По этой причине 1 мая Киев вышел на праздничную демонстрацию под смертоносным радиационным дождем с плакатами «Слава Коммунистической партии!», «Труд, Мир, Май!». Народ с песнями шел по Крещатику, размахивая флагами и флажками, ветками цветущих яблонь, сделанными из белой шелестящей бумаги. Воздушные разноцветные шары на длинных нитках рвались в небо, радуясь на ветру под хорошо поставленным голосом диктора, раздающийся над площадью, извергающий, как Везувий пламенные фразы, которые подобно мантрам повторялись и повторялись, перекрикивая музыку и голоса людей: «Да здравствует Великая Коммунистическая партия!» – «Ура!» – кричали идущие. «Слава советскому народу – строителю коммунизма!» – «Ура!» – разносилось из тысячи ртов, как будто этот возглас подтверждал сказанное и ставил жирную красную точку после оценки «5» в школьной работе отличника. «Пятилетку за 3 года!» – «Ура!». Всё было проработано по известному сценарию массовых праздников, и каждому, идущему в шеренге, было понятно – куда идти, как идти и зачем. А Чернобыльская зона отчуждения, загрязненная радионуклидами, была где-то там – далеко от народного ликования, устремленного, как всегда, в светлое будущее, потому что другого будущего не могло быть, и другого не обещали... Чернобыль, Припять, север Полесского района Киевской области и вся Житомир-

ская до самой Белоруссии, и, конечно, особая зона – площадка АЭС и рванувший 4-й блок ее – это и было самым реальным настоящим, в которое верить совсем не хотелось...

Даже на юго-востоке Украины, в городке, где Николай во- зил в коляске своего первенца Игоря, это казалось почти не настоящим. Проходившая мимо женщина сказала: «Что ж ты, папаша, малыша прогуливаешь, когда оттуда всё сюда ду- ет, да еще и дождь эту заразу приносит?» Слова незнакомой женщины наконец-то вошли в его сознание, и он, улыбаясь и делая вид «да что вы так преувеличиваете» – все-таки по- вернул к дому. В сердце что-то бухнуло и опустилось вниз – это был страх. Он настиг так внезапно, и даже сильнее, чем в тот момент, когда диктор сообщал об аварии привычно бодрым и почти торжественным голосом. Странно, что таки- ми голосами говорили и в программе «Время», и из репро- дукторов, всегда, словно убеждая в том, что советский на- род каждый день совершает победы и идет правильным пу- тем вперед к намеченной цели. Николай давно признавался сам себе, что не видит этой цели или цель каждый раз уда- лялась, как мираж – всё дальше и дальше: тускнела и теря- лась из вида, и оставалось только слово и слова, слова, слова. Их было так много ото всюду несущихся и написанных на плакатах и баннерах, пропетых в песнях и сказанных с три- бун, что приходя домой с работы, он сразу выключал теле- визор, только слышав знакомую бравурную музыкальную заставку, привычную, как его левое ухо. Слушать о трудовых

победах, о закромах, которых никто не видел (он иногда в шутку начинал размышлять о закромах, как о священном и мистическом понятии), а еще говорили о несметных потоках сваренной стали, добытого угля, и это все венчали поцелуи генсека с руководителями разных держав и блеск золотых медалей на его груди. Хотелось тишины. Садись за стол ужинать: он и жена Наталья, а сын Игорь еще лежал в своей кроватке и поднимал ноги выше головы, пытаясь дотянуться до рта большим пальцем ноги, демонстрируя этим чудеса гибкости и пофигизма к трудовым подвигам и к любым проблемам вообще. Так было.

Как же давно это было, – подумал Николай, выходя из ванной комнаты чисто выбритый и пахнущий парфюмом Boss. Уже несколько месяцев как мысли об Украине проросли в его мозгу, правда, не цветами, а репейником – остро-колючим и прилипчивым. Он прикипал к телевизору в любую свободную минуту, переключая с канала на канал в поиске новостей с майдана, которые уже больше походили на сводку с мест боевых действий. Как сказал один остроумный журналист по поводу «мирного выступления граждан»: «самыми мирными здесь можно назвать тех, кто выковыривает камни из брусчатки и разливает по бутылкам жидкость для коктейля Молотова». Этот угар, шабаш, бред сумасшедшего не оставлял ему никакой надежды на то, чтобы разглядеть что-нибудь разумное, доброе, вечное в происходящем там. Он вполне допускал, что вначале действительно люди вышли

бороться за свободу, да и просто потому, что их достали и власти, и олигархи, и бедность, и неопределенность, и многое другое... Но всегда нужно смотреть – кто рядом с тобой. Народ и толпа – это далеко не одно и то же, об этом он знал, как историк. Однако, лично для него существовала еще и близкая связь, родовая, если хотите... Как мог он разделить себя пополам по признакам национальности? Может быть, по их больной логике, он должен был отказаться от своей русской матери: «треба вбити в собі москаля» (вот дельный совет), да, а отца отправить на майдан каяться перед украинцами за то, что он продался москалям и женился на русской девушке, которую полюбил, поправ тем самым все мыслимые запреты бандеровского национализма. Душа болела, есть у нее такое неограниченное право – чувствовать. Ему казалось, что многие хорошие люди сейчас там страдают. У него остались на Украине родственники, друзья, но после недавней попытки общения, и того, что из этого получилось, он запрещал себе думать о них, вернее, старался не думать. И не хотел обсуждать это даже с женой. Наталья пыталась его успокоить, но выходило еще хуже:

– Ты живешь в Питере больше 30 лет. Что из того, что родился там? После развала Союза всё изменилось: и люди, которых ты знал когда-то, изменились тоже.

– Не пори чушь! Мы каждый год ездили туда, ходили в гости, где нас кормили борщом. Я пил с ними водку. Мы смеялись. Ты не помнишь, как мы смеялись? Делали шашлыки на

берегу, потом бежали в море... Это просто морок какой-то, как будто большая туча упала: всё стало свинцово-серым и черным, похожим на дым от тех горящих шин, которые они поджигают на майдане. Ты не понимаешь, я чувствую гарь в своем горле. Это – пожар, и мне, как нормальному человеку, хочется вытащить людей из огня, спасти. Мне хочется сказать, что я о них помню и люблю, что весь этот ужас скоро закончится. А получается – я враг, я – москаль, и этого достаточно, чтобы не слышать меня, я – последний урод, не понимающий их освободительной революции? Да от кого же, блин, они освобождаются? Если от своего президента, то не слишком ли большой ценой крови и собственных жизней? Как будто он непотопляемый крейсер какой-то...

Николай выкрикивал слова, и ловил себя на том, что не может говорить нормально. Казалось, что их агрессия, их пожар перекинулся уже на него и бежал теперь в крови – в той половине ее, где этническое украинство пересиливало русскую и европейскую ментальность. Но кровь, как море, нельзя разделить: всё смешалось. Всё смешалось в нем: боль, обида, любовь и даже нежелание этой самой любви в себе самом.

– Ты бы еще поехал туда примирять их, – сказала раздраженно жена. – Они бы, конечно, тебя послушались и разошлись бы по домам.

Николай не стал отвечать ей, он вышел из-за стола, резко отодвинув стул так, что тот чуть не упал. В прихожей надел

куртку и открыл дверь.

Дурацкое воскресенье, – думал он. Лучше бы я на работе был. Николай вспомнил, что несколько дней назад они поссорились с Натальей из-за того, что он заметил, как она копалась в его мобильнике. Вообще последнее время чувствовал себя под ее взглядом, как под снайперским прицелом. А, черт, и сравнения какие-то майдановские в башку лезут. Осталось только нажраться до беспамятства, чтоб как чистый лист бумаги, как новенькая ауди. Воспоминания о недавно купленной машине немного успокоило его. Он называл ее Авдюшкой, и сейчас решил пойти к ней. Мягко и уютно утонув в сидении, положил руки на руль и стал постукивать пальцами по нему, думая, куда бы рвануть конкретно, или просто поехать прямо – куда глаза глядят, влиться в поток машин: следить за дорогой, погрузиться в движение общее, единое, пусть несет куда-нибудь, пусть вывезет к чему-нибудь. 25 лет за рулем, это значит, что машина становится частью тебя, ты чувствуешь, что у нее болит, какое настроение.... А характер? Характер у каждой машины свой, это он знал точно, поменяв за свою жизнь несколько, он помнил о каждой, как о женщинах, которые смогли тронуть его сердце. Их было не так много, как хотелось бы, – улыбнулся он такому уточнению. И подумал о Наташе. Какой она была раньше и какой стала теперь. Ему казалось, что сам он не изменился, ну, может быть, немного внешне, может быть, даже постарел, но это не то... Что случилось с ней? Когда

это случилось? У каждого из них оказалась своя территория, не в прямом смысле, но по сути так. Она и раньше была, тогда это называлось свободой и доверием. Договорились сразу, что будет так: считаться с интересами, не придумывать ничего лишнего и доверять друг другу. Что-то там еще было в этом устном договоре. Им казалось, что можно знать заранее обо всем – выяснить раз и навсегда, а дальше жить спокойно и счастливо. А, возможно, так хотелось и казалось ей, а не ему. Он просто согласился, махнул головой, улыбнулся, и всё пошло-поехало... Позже скажет о себе: «Сдался на милость врагу». Почему врагу? Так само вырвалось. Сыну почти 30, а он думает, что и ему столько же... Серьезен, мудр? Старался, возраст обязывал, положение отца. То же мне, блин, учитель жизни, – ухмыльнулся Николай и полез рукой за диском, чтобы поставить музыку. Машина обрадовалась – подпрыгнула на ближайшей выбоине и понеслась дальше уже под Стинга: «If blood will flow flesh and steel are one. Drying in the colour of the evening sun». Эту композицию «Fragile» он любил еще с молодости, впрочем, как и вообще Стинга. Его удивило однажды, что дочка с удовольствием тоже слушает эти песни.

Николай обожал свою дочь Настю. Эта – точно мое счастье, пока никто у меня не отнял ее, хотя и крутятся тут вокруг разные... 19 лет. Сколько еще он будет называть ее «лисенок», «рыжик», «Астя» (как произносила свое имя она сама, едва научившись говорить). Думать о ней было радостно

и спокойно. Иногда он чувствовал, что она любит его больше, чем мать, с которой часто они вдвоем на чем-то спотыкались. Николай не особенно пытался в это вникать, но когда жена начинала жаловаться на Настю, он почему-то уже заранее в душе оправдывал дочь. Наверное, это было неправильно с педагогической точки зрения, но стоило Насте подойти к нему и, растягивая слово «па-а-а-п», что-нибудь попросить, он был обезоружен. Наталья, по его мнению, была не объективна к ней, а глядя со стороны, так даже ревновала, так ему казалось. Но к кому только она не ревновала его, похоже, что и к собаке, когда та выбегала к нему навстречу вечером, едва он переступал порог дома. Вот кто его точно любил, так это Варя: ее морда, ее преданные глаза не могли врать.

Стоя на светофоре, он заметил, что девушка, сидящая за рулем в рядом стоящей машине, улыбается ему. Это было приятно. А погода сегодня хорошая: солнце, – подумал он, – и пробок почти нет – все-таки выходной... Выходной, выход, выход, – пронеслось в голове. А сзади уже кто-то сигналил: он зазевался, завяз в своих раздумьях. Горел уже зеленый. Ехать, ехать, один, один – выбивался ритм, навеянный то ли музыкой, то ли ритмом сердца. Живут же остальные, и что – все у них прямо в шоколаде: и на работе, и в семье, и со здоровьем? И... опять светофор (много их слишком или это я быстро еду?). А куда, собственно говоря, спешу? Школу закончил – спешил в институт поступить, чтобы в армию

не взяли... Не хотел идти. Зато честно. Потом спешил жениться, потому что Наталья залетела (тоже поспешил переспать с ней). А после спешил денег заработать, чтобы кооператив купить. Жить спешил. Зачем? Она и так летит, несется за поворотом поворот, объезд, разворот, обгон, дальше налево... Ну, да, «налево» тоже было. Маленькая тайна: большая страсть. Любовь? «Не потому, что я ее любил, а потому, что мне темно с другими» – так точнее... Теперь не знаю, как называлось, но тогда мчался к ней: крышу снесло – дурак дураком. «Любимый, единственный». Стоп. Оказалось – не совсем так... Помню об этом, потому что не я, а меня бросили, – думал он, – все мужики любят ту, что бросила. Так получается, почему – не знаю да и нафиг мне знать: проигрывать тоже нужно уметь. А ведь хотел даже от Наташки уйти, на языке уже крутилась обвинительно оправдательная речь. Оказалось: зря учил, готовился, но не сказал. Или зря не сказал? Это же правдой было. Потом запутался, где она эта правда: там женщина, от которой кадык ходуном, а тут «лисенок» – глазки-пуговицы: «па-а-а-ап, смотри какое мне мама платье купила». Смотрю, взгляд виноватый сразу становится: глаза в пол, но бодренько так: «ну-ка, ну-ка, покажи, что там у тебя в кулачке спрятано?»

– Коля, Игорь, Настя, руки мыть и к столу, все стынет, – кричит Наталья.

Да, всё стынет, но родные такие... А мобильник зазвонит – жена напряжется вся: слышно как часы на стене сту-

чат – так тихо станет. Кнопку нажал на телефоне, улыбнулся как ни в чем не бывало. Разведчик хренов. На какую страну работаешь? Где твоя Родина? Пароли? Шифры? А фиг вам всем... Свободен я, по духу. Сказал бы я тебе по чему, да слово больно неприличное, – ухмыльнулся он своим мыслям.

– Ну, куда ты прешь, умалишенный? В детстве цвета не научился различать? Правила не для тебя писаны? Это же так просто, когда на дороге, по дороге, в дороге – жизнь понятна, действия закономерны: газ, тормоз, поворотник сам по себе светит, дворники: чух-чух по стеклу. Дождь, однако. Вот тебе и Питер: 20 километров проехал – другая погода. Как все изменчиво в этом городе, а я часть его, и во мне тоже: то солнце, то дождь, то снег мокрый. Всё так, всё так...

3.

Мир сошел с ума, – говорил он, слыша как из телевизора рвутся наружу в пространство кричалки-сопелки одуревшей безликой толпы правого сектора майдана. Почему «безликой»? Да потому, что из всего лица были видны только глаза, что уже само по себе мало напоминало людей. «Москаляку на гіляку!», «Москалів на ножі!». Не страшно! Противно... По этой причине и называл тот бесноватый вой «кричалками», понимая, что это отсюда он такой смелый, а у них там самый главный аргумент – оружие, в лучшем случае бита или палка. «Батькам слава!». Хорошо, что у нас были разные батьки, – сказал он вслух и выругался по-русски. Даже варвары не разрушали памятники захваченных народов, а эти – всё сметают на пути. Человек, не помнящий своей истории, подобен животному, – вспомнил Николай вычитанное им где-то выражение. Пусть они беснуются, как черти на шабаше, у него есть своя правда, и корни ее вросли в украинскую землю – не выдернут они ее – слишком глубока: переплелась с многими судьбами людскими – не разорвать: проросла насквозь человека и живет, не смотря ни на что. Потомки – это, как новые побеги – листья по весне на одном и том же дереве. Он не бьет себя в грудь и не орет, что украинец, а несет в себе память, и уже от этого – не предатель, хоть тысячу раз «москаль».

Уже несколько дней шли они вместе с китайскими проводниками по пустыне. Те о чем-то переговаривались на своем мяукающем, как казалось Дмитрию, языке, которого он не знал, хотя в кармане у него, как и у всех других бойцов, лежала маленькая книжонка, выданная каждому, чтобы хоть как-то объясниться с местным населением. Конечно, все их палочки-крючки были написаны русскими буквами – некогда было учить язык. Несколько десятков слов, выражений самых необходимых – вот и вся наука. А запомнить их не было никакой возможности: каждый раз тянешься в карман и грязными пальцами слюнявишь страницы, когда нужно что-то сказать. А все равно никогда не узнаешь, что скрывается под этим круглым, часто улыбающимся лицом, на самом деле. Похожи друг на друга, как две капли воды в реке Молочной, где пацаном он проводил все лето.

Эту пустыню Гоби он запомнит на всю жизнь. Китайские товарищи что-то говорят и поминутно кланяются, это его раздражало, а может быть, раздражала эта земля, этот ветер, несущий столбы песка? Чужое, чужое всё... Он думал о том, что в его селе уже черешни созрели. Там – его маленькая дочка, которая родилась без него, после того, как он по ранению в сорок третьем году был отпущен домой, а потом, подлечившись, обратно вернулся в часть, и вот до сих пор идет и идет по этой дороге. А малышка, наверное, перебирает сейчас своими крохотными пальчиками крупные, бле-

стящие ягоды – такие бардовые, что аж черные. Он достал фотографию в цвете, на которой была его жена, совсем молоденькая и худенькая, в платье в цветочек с белым воротником и в белых носочках. Она стояла рядом со стулом, а на нем стояла маленькая девочка – дочечка с черными глазами-черешенками, и смотрела прямо на него. Он носил с собой все письма полученные со своей далекой родины, где побеленная известкой хата утопала в саду. Наверное, стены ободрались, солома повылезала, а подновить некому. У самих сил нет, Любочка вон какая тонкая и звонкая, «кнопочка», – так он называл ее со школьных лет еще, когда сидели за одной партой с первого класса. Видать, только кашу кукурузную едят, деля ее на едоков: каждому понемногу. Пишет Люба, что дочка проснется ночью и просит: «Мама, кахи». Другого ничего и не знает, так и ее где взять, когда закончилась вся... Можно, конечно, в поле колоски собирать с земли, те, что не убрали, но соседку вот в райцентр увезли за это, и кто знает, когда отпустят... Мать тайком ночью все равно ходит в поле, боится, но ходит, меня не пускает: «сиди с дитем, если что со мной случится, а ты – мать, Митька мне не простит тогда», – писала жена. А как он может матери запретить, ведь сам ничем не помогает им. Хорошо хоть, что выжили под фашистами. Доктор в селе добрый, хороший был, свой: он молодежь, как мог, спасал, чтобы в Германию не угнали. Любочку тоже научил. Перед осмотром напилась она чаю крепкого из одной заварки и пошла к врачу, там еще

и немецкий доктор был, они строго проверяли, чтобы здоровых рабов брать на работу. А у нее сердце колотится – чуть не выскочит. «Больная» – говорит, – и худая очень – дистрофия». Так и осталась. Еще помогло, что мать немножко немецкий знала, а им это нравилось. Как она только вспомнила его, не понятно, ведь это еще при царе было, (немцы на Украине со времен Екатерины I поселились). Так вот: девочкой четырнадцатилетней мать служила в немецкой семье нянькой – дитё их нянчила. Рассказывала ему как-то, что тяжело было: ребенок кричит ночью, а спать хочется: голова сама на грудь падает. Хозяйка прибежит и на нее орет по-немецки, и за косы, за косы дергает. Эти-то слова она больше всего помнила, ну, и другие тоже – смышленная была.

Теперь война с фашистами окончилась, а его вот сюда перебросили помогать китайским товарищам бороться с японцами до победного конца. Интернациональным долгом называется. За день три рисинки сухие дадут подержать во рту: липкие такие, безвкусные, только пить от них хочется, а с водой тоже – беда. Возненавидит он этот рис на всю жизнь свою, и долго еще будет от язвы лечиться, когда вернется домой: станет пить настои травяные стаканами вместо воды, и пройдет хворь. И колено раненное заживет. Главное, что живой вернется. Может быть потому, что когда на войну уходил, мать молитву какую-то сунула, он тогда сопротивлялся:

– Я ж комсомолец, вы шо, мамо?!

– Ну и нехай комсомолец, ти ж – людина, крещений.

Богу все рівно – як тебе кличуть.

– Як це так? Комсомолец – помічник партії нашої, по-
нимати надо.

Но молитву взяв. И ее вместе с Любочкиными письмами всю войну проносил под сердцем.

Когда уже придем? – думал он шагая, вернее, уже еле передвигая ноги, вытаскивая их с трудом из песка. Увидела б мать эту землю, сказала бы: «Боже ж ти мій! Що ж це за земля така? На ній нічого рости не буде. Бідні люди, як же тут жити можна?».

Да, такая бедность, что глазам смотреть больно, и дети мрут вокруг, а они все новых родят. Длинный путь, а все-таки – домой, – думал Митя.

А потом дома, отвечая односельчанам: какие они – китайцы, он не будет знать, что и сказать им: «Китайцы – обыкновенные люди, только желтые и глаза прищуренные, будто хитрят – чего бы такого сделать».

Сорок седьмой год на Украине был тяжелым. Когда вернулся он домой и увидел, как бедно и голодно живет семья, сжал кулаки от злости и обиды, скрипнул зубами и сказал: «Ничего, проживем: теперь я прокормлю вас. А тебе, Любочка, обещаю, что будешь ты в шелковом фартучке на кухне ходить, и светло вокруг будет, и чисто, и ты, как королева станешь». Вскоре уехали они из материнского дома свою жизнь строить. Позвали его на работу, и, сложив на телегу стулья, сундук, одеяла, горшки, узлы с барахлом, завязанные

крест на крест узлом, и цветок большой в ведре (фикусом называется), и отправились в село Поляновку, не так, чтоб далеко очень, но зато самостоятельно все-таки зажили. А тут вторая дочь родилась (ах, как ждал он сына). Девчонка получилась какая-то смугло-желтая. Бабы плели: «Это потому, что Митька с Китая вернулся – кровь смешал, видать». Дуры бабы, ничего в науке физиологии не смыслят. Правда, боялись с женой, что у ребеночка желтуха, но всё обошлось. Да не долго на том месте пожил, повела судьба-цыганка их дальше и ближе к городу Мелитополю. Название ему, вроде, греки дали, а люди болтали, что, мол, ехала как-то царица Екатерина по своему государству и, проезжая мимо этих мест, да увидев красоту такую: землю цветущую в садах, поля богатые золотые и тополя вдоль тракта, вышла она из кареты, подошла к тополи, обняла его и сказала: «Милый тополь», а так как была она немкой, получилось у нее: «Мелитополь». Так, разговоры, название это все равно греческое, потому что «поль» по-ихнему значит «город», а «мели» – «мёд», получается – город мёда, что тоже правильно.

В сельхозколонии, где обосновался Митрий с семьей, разводили лошадей – хороший конезавод там был. Работу ему дали и Любочка тоже пошла в детский сад работать. Хозяйство появилось: куры, гуси, корова даже, Майкой звали. Скучать не приходилось, некогда было скучать: после работы играл Дмитрий в футбол – на воротах стоял. Коленки побиты вечно были, как у пацана, а мужику уже за тридцать с хво-

стиком. Любочка, так та – артистка: танцевать страсть как любила. Сама вся наряженная такая – ленты по бокам разноцветные – чисто цветок какой. Каблучками тук-тук и впереди девчушек молодых – самая молодая, самая красивая. И в драмкружке играла в спектаклях. С работы бегом домой: скотину покормить, кур загнать, детей помыть, поесть им дать и уложить спать, да и старшая уже за младшей присмотреть могла. И дальше – в клуб. Артистка. Ну уж, как праздник какой советский, так веселье на всю округу. А голосовать ходили на выборы за 10 километров все вместе по снегу, утопая в нем: холод сумасшедший бывал. Идут и лопатой дорогу прочищают – тропинку. Как же можно на выборы не пойти? Обязательно это было, власть-то – народная, – считали, – своя значит... За столом потом собирались, накрывали его вскладчину – кто что сможет принести, еда – самая обыкновенная: винегрет, селедка, картоха, сало и отрава эта горькая, что сердце греет, без нее тоже никак нельзя. И тут опять песни хором: какая-то баба затянет протяжно так, голосисто, а за ней другая, и потянулось. А песни разные: русские, украинские, никто не разделял – была бы песня хорошая... Поют, поют. Вспомнит кто из женщин мужика своего погибшего, выскочит из-за стола и бегом бежать... Замолчит хор, посидят тихо так, а потом растянет гармонист меха, и заорет тетка Нюрка сквозь слезы частушку какую-нибудь потешную, а то и совсем срамную: засмеются мужики, завизжат бабы и пошли плясать – притоптывать. И откуда

только силы брались?

Ночь на юге быстро падает – камнем, и уже в темноте расходятся люди по домам, только спичка где вспыхнет огоньком во тьме и погаснет тут же на лету, да невзначай повиснет гармонь – раскроется до самой земли – растянется долгим звуком внезапным. Пьяный гармонист потащит ее домой. А дед Петрович окликнет девчат хохотушек: «Всё гуляете, невесты? На работу не проспите завтра». Куда там проспипь, в комсомольской ячейке сразу вопрос поставят, пробырать начнут – позора не оберешься. В шесть утра гимн заиграет и жизнь начнется. Вся страна встает, а ты чем хуже?

Вместе врага такого одолели, а теперь-то что, хоть и трудно, а все одно – живые остались, так и будем жить дальше, – думал Митя, спускаясь по скрипучим ступеням деревянного финского дома, в котором жили они по-соседски все дружно. Крыльцо к крыльцу – лицом к лицу – по-родственному жили, доверительно и сердечно. Ужинать даже отдельно не садились – не хотелось. Один стол на всех собирали, и тут же дети копошатся, бегают, орут, ну, и волтузят, конечно, друг дружку, да сами и разбираются, взрослым не до того...

– Последние известия слушал? – спрашивает он у соседа.

– Да, если так работать начнем да по всей стране, пожалуй, и коммунизм скоро построим. Во жизнь начнется: всё будет!

– Ты, конечно, торопишься, Пантелей, забыл, как на карточки жили, а ты – коммунизм.

– Так ведь отменили их давно. И школу, председатель ска-

зал, в этом году подчинят, и коровник. На собрании же сам был – слышал...

– Что сидите здесь, собрание устроили? Пошли хоть разок-другой в лото сыграем, – позвала жена Пантелея.

Следила она за ним исподтишка, потому как Пантелей любил приложиться к бутылочке и заначки устраивал в самых невероятных местах: однажды в будке у Жучка «магазин открыл».

Тишина в поселке, как на краю земли. Одни собаки переговариваются: какая-то одна залает, другая ответит и пошло по всем дворам: кто с завыванием, кто злобно, будто с цепи рвется, кто скулит жалобно, кто весело и звонко радуется, поди до самого утра не угомонятся, а все-таки – тишина: кажись, брось камешек на середину ставка – так бултыхнется, что по всей округе слышно станет. А на крыльцо выйдешь ночью покурить – ничего не видать: ни деревьев, ни домов, руку вперед вытянешь – и ту не видать. Только звезды одни! Вроде живешь ты среди этих звезд, стоишь один под небом сияющим, и даже страх возьмет: плохо одному человеку, и в дом, а там – дети сопят по кроватям, жена сидит у стеночки, руку под щеку положила – чисто ребенок тоже.

А назавтра придет Митя на обед с работы, а у нее уже и готово всё, и даже пол вымоет перед его приходом: пахнут мокрые доски свежестью, лесом и покоем. Любил ее Митрий, а все-таки ревновал. Покажется что не так – войдет в дом злой, девчонок – за дверь... Те сидят на пороге, прижав-

шись друг к дружке, как воробьи нахохлившиеся, глаза трут и от того, что спать хочется, и от слез, что сами так и катятся по щеке. Выбежит мама на крыльцо, обнимет и за собой поведет: с одной стороны одна, с другой – вторая, а у самой глаза тоже мокрые: «Всё хорошо, всё хорошо», – только и скажет. Терпеливая была. Так научили ее, видать, а может любовь такая... Что такое – эта любовь?

Испуганная сонная пичужка вспорхнула с ветки и растаяла в темноте.

Я еще не родился.

4.

Зона отчуждения... Нет, это не там, где доживает свой век смотритель мертвого города, города-призрака, того самого сталкера, считающего, что это не он огражден от всех шлагбаумами, проволокой и устрашающими надписями «осторожно радиация», это по другую сторону от него находится то, что за гранью добра и зла, как говорил философ, которого слишком по-своему понял фюрер фашистов. История развивается по спирали, это было известно Николаю, потому что его специальностью и была история. Тем с большим страхом наблюдал он за всем, что сейчас происходило на его родине. Что бы там не говорили, но человеку, родившемуся в Советском Союзе, было сложнее отделять или выделять на сегменты единый когда-то организм государства или какие-то понятия, которые он, конечно, понимал умом, но переезжая на поезде границу, на которой это разделение происходило, он каждый раз удивлялся этому и не мог убедить свое сердце, что это именно так теперь нужно понимать. Другая страна, чужая территория? Для него? Это для родившихся 23 года назад он – предатель, продавшийся москалям, для тех малолеток, которые изучали написанную специально для них историю, подогнанную к национальной идее: воинственную, ненавистническую, агрессивную по отношению к другому народу, кровь которого текла и в их венах, как бы не

хотелось это отрицать, вопя: «Украина для украинцев». Этническая чистота – иллюзия и лишь повод свести счеты с тем, кто не нравится, ведь таким образом просто всё объяснить: «Убий в собі москаля». Тогда уж заодно и татарина, и грека, и латиняна, и турка, и скандинава, и немца, и поляка, и всех тех, кто жил на территории когда-то общеславянской. Русские сейчас слишком по-доброму относятся к Украине, плюющей ей в лицо, – считал Николай, – старательно отделяют зерна от плевел, с трудом доказывая себе, что на востоке и юге их любят. Он считал, что не всё так однозначно, потому что знал это изнутри. И мучился. Для него самого многое стало открытием, особенно когда позвонил он старому другу, чтобы как-то поддержать его, посочувствовать, и в разговоре сказал, что хорошо бы им отмежеваться от правого сектора, так как это очень дурно пахнет – реально пахнет фашизмом. «Это я тебе, как историк говорю» – добавил... Друг бросил трубку. Но у него еще оставалась родня, хотя теперь он боялся звонить им после такой реакции со стороны не глупого человека, каким Николай считал всегда своего приятеля. Родственники позвонили ему сами и без всяких там: «здравствуйте» и «как ваше здоровье» – сразу перешли в наступление на него: «Россия напала на Украину! Солдаты русские здесь, палец уже на курке. Женщины с детьми выходят и встают перед ними, чтобы не стреляли». Он не мог перевести дух, пытаясь прийти в себя и как-то опровергнуть эту информацию, но у говорящих на другом конце провода

сомнений не было: им так показывали по телевизору и они верили всему, и даже говорили будто чужими фразами, – это он заметил сразу:

– Почему вы не отдаете нам нашего президента? Его ждет расплата и Гаагский суд.

Николай не выдержал:

– Вот когда Гаагский суд попросит – отдадим, а вам – нет. Для чего? Чтобы вы его кусками нарезали?

Конечно, с его стороны это было грубо, но когда тебе оба уха говорят: «Русские всегда везде лезут: то в Абхазию, теперь к нам» – трудно было сохранять толерантность и спокойствие духа:

– Вы что не видите, кто пришел к власти?

– А нам нравится это правительство.

Без комментариев...

Он ходил с этой раной молча, не обсуждал ни с кем, думал, что только у него такое несчастье, пока не услышал от знакомой, что она перессорилась со всеми своими родственниками на Украине, которые на ее сочувствие сказали: «Что вы лезете к нам? Мы вступаем в отряды». Там у нее живут сыновья. Один держит нейтралитет, а второй нечто потяжелее, похоже, и еще попытался учить ее жизни, чего она не вынесла и закричала в трубку: «Вы что там совсем с ума сошли?!». Еще одна знакомая подруге своей позвонила: «Может тебе помочь нужно? Как вы живете?», а в ответ услышала: «Зачем ты сюда звонишь? Больше никогда не звони мне!»

И это – живые, реальные люди, которые страдали так же, как он, и не могли понять, за что такая ненависть с той стороны.

Николай вспомнил, как ему настойчиво советовали: «Не смотрите свое телевидение, не верьте – там одна пропаганда!». И слезы этих людей, которых считают врагами там – на Украине – это тоже русская пропаганда? Их гражданская война прокатилась по нему, разорвала снарядом его разум и его сердце, только со стороны это может быть и незаметно, так он и пытался не обременять других своим личным несчастьем. Ситуация складывалась таким образом, что после звонков еще несколькими своим знакомым, ему стало понятно, что одна часть абсолютно безучастна и равнодушна к происходящему, другая часть – свято верит в то, что показывают в зомби-ящике. Да, воистину: толпа не обладает сознанием, она обладает бессознательным. Больше он никому не звонил и не хотел этого делать. Трудно разговаривать с людьми, мыслящими языком лозунгов, не задумывающимися в чем истинный смысл этих фраз: «Бандера приде, порядок наведе!». Кто убедил их в героизме этого украинского кумира? Кто вбил в них мысль о том, что бандеровцы и незалежна Украина – это понятия одного порядка? Да никто из общей массы толпы и не пытался проверить, в чем истинная суть тех и нынешних поборников за свободу Украины, да и никто бы не дал им этого сделать – узнать самую страшную тайну бандеровского движения, которая заключалась в том, что они мечтали присоединить Галицию к землям Рей-

ха в обмен на свою помощь в колонизации немцами остальной территории Украины и в порабощении (и чего уж там стыдиться – в частичном уничтожении находившегося там населения, то есть, тех же самых украинцев). Это предполагал план «Ост», и нарушать его никто не собирался. Конечно, всего не нужно было рассказывать людям... Чтобы случилось, если б всплыло наружу это дерьмо? Николай злился, что и сейчас народ не понимает, что его используют, а все эти смерти, разруха и полный хаос только лишь для того, чтобы решилось одно: быть или не быть НАТО на Украине, потому что вопрос быть ли самой Украине там, видимо, не имел большого значения. Ответ казался предсказуем для тех, кому это было нужно.

Николай когда-то серьезно занимался темой нацизма, и тем, каким образом к нему припала Западная Украина (правда, не вся). Но даже после того, как в 1959 году сам Бандера был убит советским агентом, дело его осталось жить и живо по сей день. А начиналась всё с этого:

Письмо Я. Стецько А. Гитлеру.

«Фюреру и канцлеру немецкой державы А.Гитлеру»

4 июля 1941 года. Берлин.

Ваше превосходительство!

Преисполненные искренней благодарности и восхищения Вашей Германской Армией, которая покрыла себя неувядае-

мой славой на полях битв со злейшим врагом Европы – московским большевизмом, мы посылаем вам, Великому Фюреру, от имени украинского народа и его правительства, которое создано в освобожденном Лемберге, сердечные поздравления и пожелания завершить эту борьбу полной победой.

Победа Немецкого Оружия позволит всем расширить создание новой Европы и на восточной территории. Тем самым Вы дали возможность украинскому народу принять активное участие в осуществлении этой великой идеи как полноправному, свободному члену семьи европейских народов, объединенному в суверенную Украинскую Державу.

За украинское правительство Ярослав Стецько».

И тогда, и сейчас они почему-то решают за весь украинский народ...

В ноябре 1943 года униатские военные капелланы привели солдат дивизии СС «Галичина» к присяге:

«Я, украинский доброволец, этой присягой добровольно отдаю себя в распоряжение Немецкой Армии. Я присягаю Немецкому Вождю и Верховному Командующему Немецкой Армии Адольфу Гитлеру в неизменной верности и послушании. Я торжественно обязуюсь все приказы и распоряжения начальников исполнять, а также все военные, государственные и служебные дела строго держать в тайне и тем самым верно и преданно служить Немецкой Армии и одновременно своей родине.

Мне ясно, что я после своей присяги подвергаюсь всем немецким военным дисциплинарным взысканиям. Конец моей службы как украинского добровольца определяет Немецкая Армия».

2014 год, Донбасс: украинская армия бомбит по мирному населению, фото убитой молодой женщины, обнимающей своего убитого и окровавленного ребенка. Невыносимо смотреть. Но те, кто это сделал, смотрите внимательно, потому что это будет сниться вам всю жизнь и после вашей гнилой жизни Господь предъявит вам и это фото, и всех тех, кого вы убили.

И вот иная присяга и совсем другая клятва против оставших через поколения новых фашистов. Для Николая эта страшная правда и боль, дошедшая до состояния, когда ее уже невозможно терпеть, была понятна и оправдана им, потому что это и являлось настоящей реальностью – той, что существует сейчас на Украине. Это – тоже исторический документ и доказательство, опровергнуть которое не сможет даже время.

Клятва: «Я, Дмитрий Александрович, гражданин Украины и украинец, верный сын героического русского народа, клянусь, что не останусь в стороне, не выпущу из рук оружия, пока последний украинский свидомый фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. За сожженные города и села, за Луганск, Донецк, Славянск, за одесситов 2 мая, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия, изде-

вательства над моим народом, я – ... Дмитрий Александрович, гражданин Украины и украинец клянусь мстить именно украинским нацистам жестоко, беспощадно, неустанно: кровь за кровь, смерть за смерть. Я клянусь всеми средствами помогать армии Новороссии уничтожать бешенных свидомых украинских псов, не щадя своей крови, своей жизни. Клянусь уничтожать едину Украину везде, где я буду каждую минуту моей жизни, потому что это – фашистская страна не имеет право на существование. Я ... Дмитрий Александрович гражданин Украины и украинец клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и свой народ Новороссии в рабство кровавому бандеровскому свидомому фашизму. Эта малышка и эта женщина убиты сегодня киевскими карателями в Горловке. Я не забуду о них, а если я забуду о них, ты, Господь, на небесах забудь обо мне!».

Неисповедимы пути истории: в стране, где возник фашизм, в здании Рейстага теперь обновили надписи советских солдат, которые расписывались там, дойдя до Берлина и победив гитлеровскую Германию. Сейчас в этой Германии и в этом Берлине – в центре немцы поставили памятник жертвам Холокоста. А в городе, где под ногами тлеют кости погибших солдат и убитых мирных жителей, где Бабий Яр – сейчас идут строем с фашистской свастикой внуки пособников нацистов. И все-таки внуки не тех героев, кто на разных фронтах умирал за свою родину и свои семьи. Главное ни-

чего не путать и не смешивать, – думал Николай. Однако, город-герой Киев – уже не герой (это имя решили убрать), потому что все перевернулось в мире: герой теперь Бандера... и те, кто идет под его портретами, как эта рыжеволосая девчушка с радостными от счастья глазами, у которой спрашивают: «Что ты чувствуешь, когда несешь этот портрет?», а она отвечает: «Я чувствую гордость, что я украинка». Они не знают и не читали, что думали об украинском народе сами «великие фюреры», которым служили тогда и служат теперь даже их тени:

Ноябрь 1941 года. Геринг: «Украина? Я планирую грабить ее... Правда, очень скоро там вымрет от голода от 10 до 15 миллионов человек. Но это даже хорошо, неполноценные расовые единицы необходимо сокращать».

Из письма М. Бормана А. Розенбергу (23 июля 1942 г.):
«Украинцы призваны работать на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому обязательные прививки, немецкая система здравоохранения для них излишни. Размножение украинцев нежелательно... Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до 100... Каждый образованный человек – это будущий враг. Мы можем оставить им религию как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для продолжения жизни».

Ноябрь 1942 г. Кох имперским руководителям: «Украина

является для нас лишь объектом эксплуатации, она должна оплатить войну, и население должно быть в известной степени как второсортный народ использовано при решении военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо»... после того, как из них будет выжата вся рабочая энергия,... можно будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится поблизости, и неважно к чему это приведет».

А в это самое время ОУН-УПА, батальон «Нахтигаль», дивизия СС «Галичина» и прочие – присягали, присягали, присягали своему фюреру. Они и сейчас выбрасывают руку вперед в приветствии, и сейчас русские для них – враги. Как будто время остановилось, стрелки заржавели, всё повернулось вспять. Николай не очень верил в то, что подобная информация была неизвестна украинским лидерам тогда: газеты читали, в языке поднаторели... Бандера, Шухевич – те уж точно читали... Да, это тот самый Шухевич, памятник которому стоит в городе Ровно. И это тоже Шухевич: «Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего страшного в этом нет».

2014 год. Киев. Ирина Фарион: «Наш перший ворог – Москва. Це і є наша національна дорога. Це і є наша програма і план дій. Вставайте, кайдани порвіти, і вражею злою кровью волю окропіти!»

Государство, построенное на ненависти к другому народу – обречено, потому что ненависть – это тьма, а она исчезает

с появлением света, – думал Николай, слушая эти истерические нацистские вопли.

Они и немцам тогда служить стали, да хоть черту-дьяволу – только бы против русских. Ненависть к москалям и ко всем, кто не украинец – тема древняя и дремучая по своей кровожадности. Даже немецкий историк В.Брокдорф удивляется этому и пишет, что вояки ОУН-УПА «своим внешним видом напоминали окровавленных мясников». И далее из воспоминаний: «Они взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава мундиров, держа оружие на изготовку. Их вид был омерзителен, когда они бросились в город... Словно бесноватые, громко отрывивая, с пеной на губах и с вытаращенными глазами неслись украинцы по улицам Львова. Каждый, кто попадался в их руки, был казнен».

Шукевич А. Шептицкому (да, тому самому идеологу «незалежности» – польскому графу и даже митрополиту, говорившему, что «Украинский национализм должен быть подготовлен к всяческим средствам борьбы, не исключая массового физического уничтожения, хотя бы и жертвой миллионов человеческих существ»). Так вот ему Шухевич пишет:

«Ваша святейшая экселенция! У нас дела идут хорошо, немцы удовлетворены нашей работой».

Николаю было страшно и омерзительно читать это, потому что все восставало в нем при словах «украинский народ» в этих документах. Был и другой украинский народ, и его

было больше. Попытки немцев сформировать крупные регулярные войска за пределами Галиции с треском провалились. Предателей не нашлось в среде, так называемых и так ненавидимых нынче восточных украинцев, этнически близких к русскому народу. Это там партизаны и подпольщики уничтожили фашистов, оккупировавших их территорию, больше, чем все армии Западной Европы вместе взятые. Теперь их памятники разрушают, буквы из их имен выковыривают с обелисков у вечного огня. Те, кто учил украинцев другой истории, не написали настоящей правды о своих «героях», потому что эта была бы слишком страшная правда, но может быть тогда у многих парней хватило бы ума не вставать под портреты фашистских вождей, которые готовы были признаться во всем на процессе в Нюрнберге: в убийствах, в поджигательствах, в отравлении колодцев, в казнях и пытках, в выкалывании глаз, но только не в том, что они и не думали о всей Украине. Может быть еще и потому, что бандеровцы и иже с ними не такие уж были украинцы, в этническом смысле этого слова, чем сейчас истерично упиваются их последователи. Плевать им было на Украину – они рвались в Германию. Такую правду им бы не простили потомки, и это понятно.

Из протокола заседания Гитлера с руководством Рейха (16 июля 1941 г.)

«Крым должен быть освобожден от всех иностранцев и заселен немцами. Старо-австрийская Галичина также станет

территорией Рейха».

Никто и не собирался сажать украинских лидеров на трон и давать «незалежность», и устраивать какое-то мифическое Украинское государство.

Кох (август 1943 г.): «Что ж, это разумно: позволять националистам болтать про государственную независимость и прочие подобные глупости. Когда придет время и Москва упадет к ногам Фюрера, эти преступники и самозванцы получат свою клетку».

Что ж они выбрасывают руку вперед? Кому служат? Кому приносят присягу? Теням блуждающим в аду? О какой свободной Украине они орут, если за 15 лет население сократилось с 52 млн. до 47 млн., а 6 млн. украинцев бежали в поисках любой работы, 600 000 украинских женщин «работают» в публичных домах Запада, чтобы прокормить семью. Своих не жалко? 23 года воспитывали волчат, теперь выросли волки, готовые сожрать и тех с чьих рук ели, – продолжал свой нескончаемый монолог Николай, глядя как на экране почти дети – лет 15-17-ти на площади Львова орут: «Хто не скаче, той москаль», и прыгают, прыгают, кто выше, чтоб не быть москалем, как сумасшедшие. Что-то среднее между гитлерюгенд и советской военизированной игрой «зарница» (но та была игрой, а тут всё взаправду: обучение борьбе и науке убивать, – думал он). «Хто не скаче – той москаль!» Паранойя! Если бы они читали историю и документы, и письма, которые читал я, вот что было бы самой настоящей и сто-

процентной прививкой от этой заразы. Современные немцы давно это поняли и осознали, и отторгли из себя, а современные украинцы правого сектора готовят поход на Москву, после того, как разберутся со своими «москалями» внутри страны: «Слава Україні!» И еще громче, и чтоб весь мир содрогнулся: «Героям слава!»... Было это уже. Было и прошло, И вы пройдете, как морок, – говорил Николай, чувствуя, как сжимаются его челюсти...

«Батькам слава!» Когда-нибудь потомки проклянут и предадут анафеме их. Сейчас, к сожалению, он не мог изменить сознание даже тех людей, с которыми его связывала одна земля и одна история, и даже одна родная кровь. Зона отчуждения захватывает все большую территорию, вытравливая невидимой радиацией ненависти все, что было живого, радостного и светлого в его народе – таком хлебосольном, гостеприимном, таком веселом. Он продолжал верить, что таких людей больше, просто они запуганы, оболганы, и будто в тумане каком-то... Зона отчуждения... И только время рассудит по какую сторону находятся зараженные, больные, а по какую – здоровые.

5.

Теперь он чаще вспоминал отца, как будто чувствовал его рядом. Возможно, это мысли Николая притягивали его душу из чистых небес на грешную землю, на свою землю, где творилось такое, чего бы он не смог ни понять, ни вынести, если бы был жив.

– Хорошо, что отец этого не видит, – сказал Николай жене, – он точно бы на майдан пошел, надев все свои ордена и медали, встал бы перед этими черными воронами Бандеры... А если бы он прочитал украинские учебники по истории? А.Козинский (10-11кл.): «УПА была народной армией. Тысячи украинцев отдали свою жизнь за свободу Украины», а в учебнике С. Синило понятие «Великая Отечественная» заменено на «советско-германскую войну», и далее: «Многие украинцы находились в партизанских отрядах. Однако, многие из этих отрядов контролировали представители НКВД, и эти отряды действовали по их указке». Вот как можно одной похабной и лживой фразой перечеркнуть подвиг людей, отдавших свои жизни, борясь с фашизмом. Теперь нынешние фашисты дают оценку жизни моего отца?

Он как будто услышал его голос:

– И пусть бы они стреляли в меня за то, что бил эту нечисть, и их бы своими руками удушил... Всё бы сказал им. Что «всё»? Кому говорить? Тем, которые вышли получить

свободу, а их просто использовали, как всегда? Или тем, кого все эти годы учили только ненавидеть русских?

Он помнил, как отец рассказывал ему о войне:

– Там в человеке появлялось иногда какое-то особенное чувство или состояние, которое даже не объяснишь: будто ты сам становился другим, и силы откуда-то тебе посылаются, когда их уже совсем не оставалось. Разве теперь представить, что человек может не спать по несколько суток, проходить столько километров за день, мокнуть под дождем, замерзать в снегу и при этом не болеть всякими там простудами? Я не видел никого с насморком даже... А внутри вроде дверца открывалась в куда-то, что раньше заперто было от тебя: начинал тогда чувствовать так глубоко, что будто наперед всё видел. Друг у меня был, и вот перед боем сидим курим, еще с нами трое бойцов рядом сидели, а он и говорит: «Убьют меня сегодня». Меня аж в жар бросило от этих слов: «Что ты такое придумал?» – крикнул ему, а он: «Знаю я всё». И вот бой начался, перебежками двигаемся: добежать до окопа осталось метров пятьдесят. Я рядом с ним бегу, и тут он повернулся ко мне, улыбнулся как-то странно, и упал. Я даже не понял сразу, что случилось, не заметил пули, их столько там свистело вокруг, грохот стоял такой, что уши закладывало. Потом ночью я лежал и думал: «Почему он улыбнулся?» Ничего веселого, когда бой идет... И вдруг понял: он этим как бы говорил мне: «вот видишь, всё так и вышло, как я сказал». Страшно мне стало, хотя на войне вообще страшно,

кто говорит, что не так, тот или дурак, или строит из себя героя. А со мной потом тоже случай был: увидел я за несколько минут вперед свое будущее. В бою бегу, впереди взводный кричит: «за мной, вашу мать!», а у меня вдруг мысль проскочила в голове: «Сейчас ранят», и враз – боль страшная, ноги подогнулись – упал, из коленки кровь хлещет. Как так могло случиться, что только подумал, и... Будто предупредил кто, ведь раньше мысли такой не было, старался вообще не думать об этом, всё больше Любу вспоминал, мать, себя пацаном... Ох и любил же я на речке пропадать. Как утром убегу с друзьями, так домой и не показываюсь, пока мать не придет, а уж, если она приходила, то с лозиной, и тогда – по заднице мокрой так отхлещет, а по мокрой – больно... Да, что та боль? На следующее утро – через окно вылезу, в то, что в сад выходило, и садами да огородами – опять к речке. Потом когда вырос, мать как-то призналась, что очень боялась как бы я не утонул, поэтому и лупила меня так... Но страшнее было отцу на глаза попадаться, если что не так сотворил: он только посмотрит – мороз по коже. О нем на фронте я почему-то редко вспоминал. А видение мне было один раз: сидели на отдыхе, кипяток пили, кто письмо писал, кто пуговку пришивал, кто анекдоты травил. Я о чем-то с товарищем говорил, уже не помню даже, как вдруг передо мной прямо – отец – лицо его так ясно – каждая морщинка видна. Мне под сердце кольнуло, и такая тоска напала, хоть плач, сижу, а слезы рвутся наружу. Лег, отвернул-

ся, чтоб никто не заметил, руками закрылся, сделал вид, что сплю. А потом письмо получил, что умер отец. Сопоставил со своим видением и получилось – как раз в том момент он и явился мне, когда умирал, будто попрощаться пришел. До войны ничего подобного со мной не случилось – никаких таких прозрений... Да и что до войны было? Школа семилетка, потом училище ремесленное. Не видел еще ничего в жизни. Я ведь в 17 лет с другом своим на войну сбежал, прибавил годок себе, но вернули, потом через год уже взяли. Живой остался. А брат мой средний Коля (в честь него тебя и назвал), так он без войны погиб: в поле на mine подорвался, а кто-то говорил, что немцы убили его, но родители не нашли тела. Вот и пойми, как там судьба людьми правит: кому что дано, то и будет. Я так всегда себе говорил: «Не бойся ничего, что тебе суждено – всё твое»...

Сейчас бы Николай поговорил с ним, если бы он был жив, и рассказал бы то, что отец не успел узнать, потому что некоторые документы в его время оставались еще засекреченными, некоторые книги не были написаны или просто Николай сам не знал тогда об этом, как и о книге Роберта Кершоу, собравшего воспоминания немецких солдат из писем, дневников, в которых можно увидеть, как они воспринимали наших солдат, и отцу точно было бы интересно, и он был бы горд знать, что в той страшной войне он и его товарищи остались героями, и даже враг не мог этого не признавать. Более умные из немцев, которые уже воевали с русски-

ми в 14-м году, говорили: «Здесь, на этих бескрайних просторах, мы найдем свою смерть, как Наполеон... Менде, – обращался к молодому обер-лейтенанту его командир в самом начале войны, – запомните этот час, он знаменует конец прошлой Германии». Это были пророческие слова. А вот воспоминания танкиста 12-й танковой дивизии Ганса Беккера: «На Восточном фронте мне повстречались люди, которых можно назвать особой расой...». «Мы почти не брали пленных, потому что русские всегда дрались до последнего солдата. Они не сдавались. Их закалку с нашей не сравнить»... Пехотный офицер 7-й танковой дивизии: «В такое просто не поверишь, пока своими глазами не увидишь. Солдаты Красной Армии, даже заживо сгорая, продолжали стрелять из пылающих домов». «Я не ожидал ничего подобного, – признавался командир 3-го батальона 18-го пехотного полка группы армий «Центр», насчитывающего 800 человек, он говорил о том, что их обстреливало подразделение, состоявшее всего из пяти солдат, – рассказывал командир батальона майор Нойхоф батальонному врачу, – это же чистейшее самоубийство атаковать силы батальона пятеркой бойцов». Для них это было непостижимо. А вот отец бы понял, – думал Николай, но он бы никогда не понял того, как могло случиться сейчас: по его земле – по его Украине ходят фашисты, словно, вышедшие из-под земли жуткие тени тех, от которых он очищал свою страну. И как Николай мог ему это объяснить? Как вообще можно это объяснить? Перед глаза-

ми проплыли лица мамы, отца, бабушек, ему казалось, что они смотрят на него, как будто хотят о чем-то спросить, и он знал о чем, и от этого ему стало так страшно, как в детстве, когда родители думали, что он уснул, и уходили к соседям поиграть в лото или посмотреть телевизор, а он оставался один в темноте. Во тьме. Я и сейчас во тьме, – говорил он себе, – я и сейчас один...

Николай не знал своего деда: родился слишком поздно, только от матери слышал о нем, что боялись его все домашние – в кулаке держал, хозяин... Она у них жила, когда отец на фронт уехал. Невестка все же. Так свекор, хоть и старый и хворый, а со скамеечкой маленькой следом ходил: она корову доить, а он сядет и смотрит – правильно ли делает. Она – грядку копать, и он следом в сад плетется. Свекровь не обижала ее: поспать давала. Он кричит ей: «Что это она спит у тебя, как барыня?», а она: «Так молодая еще – пусть чуток поспит еще, сон сладок в ее года». Потому жалела, что сама к себе той жалости не имела и не помнила, как рабыня перед мужем была. В маминой семье совсем другие правила были. Дед мой, с ее стороны, на 10 лет старше бабушки был, и замуж она вышла за него – за вдовца с шестью детьми и еще своя маленькая (от первого мужа, что в Первую Мировую погиб). Так дедушка жалел ее, по хозяйству помогал, что в селе вообще странным считалось. Она сама мне рассказывала, какой хороший и заботливый был: «Почистит в хлеву, даже вымя корове помоеет и скамеечку поставит, я приду, и

только подоить останется, потому что корова мои руки знала...». Но и этого деда я не знал. А свекровь свою – бабушку мою, значит, мама даже жалела, видела, как та деда боится. Заслышит лошадь, телега заскрипит у двора: она навстречу бежит, стоит рядом – приказаний ждет. Ноги ему мыла, разве что воду только из под них не пила... Зато Николай хорошо помнил обеих бабушек, и был ими залюблен и заласкан в детстве, когда приезжал в село на летние каникулы из города (тогда они уже переехали в другой город, отец закончил институт в 40 лет, и дальше его жизнь круто поменялась). Бабушка Шура очень любила кино, это он запомнил. Привезут всех баб с поля, а возили на грузовиках открытых по грунтовой проселочной дороге, на них так трясло, что душу вытрясет, пока доедешь (он сам катался на таком грузовике), так вот, бабушка домой прибежит (все бегом она ходила как-то), в корыте руки, ноги помоеет, платье другое наденет и – в клуб в кино. Фильмы привозили из города, все ждали, когда приедет «бобик» (странно так называлась эта машина – вроде клички собачьей). Ни одну картину бабушка не пропускала. Иногда Коля ходил в кино вместе с ней, но ребята смеялись, что с бабкой ходит, они как-то раньше его выросли: с девчонками уже гуляли, а ему не нравились здешние девчонки, потому что семечки все время «лузгали» и плевались шкурками от них. Ты с ней разговариваешь, а она идет с кульком бумажным, свернутым из газеты, и только плюет в сторону. Ему казалась, что и не слушает его даже – что он

там говорит. А он в книжке читал о каких-то совсем других девушках-барышнях и женщинах. Да и он, наверное, не мог заинтересовать сельских девчонок, а у пацанов это лихо получалось: слышишь – хохочет уже, пищит, когда за бок ее ущипнет или еще что. Он так не умел, вот и смеялись ребята поэтому и еще потому, что городской, вроде – не такой... Как-то бабушка спросила: «Почему дома сидишь? Сходил бы погулял», он ей и рассказал, что смеются над ним. Она обняла его, как маленького, в макушку поцеловала: «Из-под смеха люди растут» – сказала, улыбнувшись. Станным ему показалось это ее изречение – не понял тогда, а потом только дошло, что она имела в виду: мол, те, над кем смеются, могут подняться и стать выше насмешников и обидчиков своих. У бабки своя мудрость была – крестьянская. Вспомнил он и какие вкусные вареники с вишней она варила, а потом поливала их медом. И ночи черные, и вечера на Украине, когда сидели они во дворе, где от крыши был протянут провод и болталась лампочка над порогом – свет, как звезда. На столе трехлитровая банка молока, которую принесла бабушка от соседки, потому что своей коровы уже не держала, трудно по годам было заниматься таким хозяйством. Молоко еще теплое – парное, вечерней дойки. И хлеб хрустящий белый тоже теплый. Откусываешь его кусками большими и запиваешь молоком, что течет по подбородку, а ты вытираешься о плечо голое, которое потом пахнет молоком. Этот вкус Николай запомнил на всю жизнь. Запомнил и как гости соби-

рались на свадьбу его двоюродного брата. Столы вместе составили, клеёнки цветастые разостлали на них, чтоб красиво было. И тарелки, и стаканы, и блюда большие с мясом, с картошкой. А лук пучками зелеными прямо на стол клали, и чеснок молодой еще с перьями, и укроп, а редиску в миске эмалированной большой. Никогда он больше не ел такой редиски, как в детстве своем. Все суетятся, громко разговаривают: и русские, и украинские слова перемешивают, смеются тоже громко. Милый суржик, незабвенное «шо?». «Ти дивись на нього, який парубок вже росте!» – хлопали его по плечу родственники, их было так много, что он в дальнем родстве путался, а уж в том, кто кому кум, кума – вообще не мог запомнить. Все почему-то подчеркивали, что он городской и по тому, как одет, и по тому, что больше молчит в то время, когда все говорят, перебивая друг друга, чокаясь и произнося иногда длинные, запутанные речи, вроде как стараясь сказать очень умно. Пили, женщины морщились, кто-то рукой махнет, вроде так легче было это пить, – думал он тогда. А потом начинали петь. Мама пела очень хорошо и русские, и украинские песни: никому и в голову не приходило это каким-то образом выделять. А поговорка у матери вообще смешная была: «нам татарам все равно» (он даже спросил ее как-то – «мы что, мама, татары?»). Она очень смеялась тогда: «Может и татары, кто знает, сколько в каждом кровей намешано, это как в море реки впадают – вода вся смешается, а все одно – вода она вода и есть, так и тут. Да лишь бы

человек хороший был». Вот так и думал он всегда: «Лишь бы человек хороший был» – вот и всё его интернациональное воспитание. На темы такие даже не говорили. Нравились ему украинские песни, особенно те, которые грустные:

«Цвіте терен, цвіте терен, листя опадає,
Хто з любов'ю не знається, той горя не знає».

Он до сих пор, когда слышит эти песни, вспоминает маму, а самая красивая из песен – вот эта:

«Сіла птаха, сіла птаха білокрила на тополю,
Сіло сонце понад вечор за поля.
Покохала, покохала я до болю
Молодого, молодого скрипаля».

Недавно он нашел ее в интернете и слушал несколько раз подряд, и плакал... Хорошо, что дома никого не было, и дети не видели, как взрослый, здоровый мужик ведет себя словно ребенок. А он плакал от того, что не понимал, как теперь соединить то, что кричит из телевизора: «Ми будемо бити москалів, жидву та іншу сволоту! Україна для українців», «Крым будет или украинским, или безлюдным!» с тем, что кричало и плакало в его сердце, и песню эту про белую птаху, которую пела его мама – веселая, добрая, тогда еще живая... Он чувствовал себя так, как русский дворянин в 1917 году где-нибудь в Константинополе, Шанхае, Чехии, Париже, по-

терявший после переворота свою родину – ту Россию, которой больше не было, а эта, другая страна – чужая и непонятная, что выросла, как нарост на теле его родины, разросшийся и сожравший ее полностью... Мою родину забрали бандеровцы, – думал Николай. Кому он мог рассказать об этой утрате, об этой пустоте, образовавшейся в нем?

6.

Когда приятель из Киева сообщил ему уже заезженную «новость» о том, что русские оккупировали Восточную Украину, он даже не стал с ним спорить, только спросил:

– Ты сам лично видел русских солдат?

– Нет, я не видел.

Еще бы, – подумал Николай, и вспомнил известный пример о черной кошке, которую трудно найти в темной комнате, особенно, если ее в ней нет. В роле этой самой кошки выступали и русские «оккупанты», которых никто не видел, но все слышали о том, как они зверски убивают женщин и детей. В горле у него клокотало, но он сдерживал эмоции, потому что внезапно до него дошла простая и очевидная мысль: они хотят в это верить, и потому верят. Ведь существует интернет, где можно посмотреть еще и другие версии о происходящем, например тот факт, что украинским и европейским наблюдателям была предоставлена возможность облететь наши территории, граничащие с Украиной, для того, чтобы убедиться: русские не готовятся к войне, и ведь они не обнаружили никакой боевой техники у границ. Небывалый случай в международной практике, но нам настолько самим надоело оправдываться в том, чего не совершали, что пошли и на это. Вероятно, украинскому народу не сообщили такую информацию. Зачем? Это успокоит людей и

подорвет великую ненависть к своему главному врагу – России, а тем, кто руководит сейчас их сознанием с помощью СМИ в заданном направлении, ни к чему менять вектор силы. Внешний враг – это отличный выход, когда всё рушится: есть на кого свалить вину, потому что плохого президента скинули, а при новой власти жить стало еще хреновей. Такая вот незадача. О чем ему было говорить с позвонившим сотоварищем? Он сказал:

– Удачи.

И повесил трубку. За всеми этими «экзотическими» явлениями и патологической истерией Николай перестал видеть и различать лица своих друзей и родных людей, для которых он теперь стал чужим. Он ясно чувствовал эту зону отчуждения между собой и тем миром, что раньше был и его тоже. Тяжелый выдох всё чаще выходил откуда-то из глубины – из самого сердца.

– Ну, что ты так переживаешь? – спрашивала Наталья. Все у них сто раз поменяется. Они еще в своей власти между собой передерутся или деньги не поделят. Какая-то перманентная война всех против всех.

– Похоже на это, – ответил он, – убивать неугодных уже начали... И как это ни страшно, объединяет их пока что единственная вещь – ненависть к москалям. Проще найти врага и виновника своих бед, нищеты, краха, который вот-вот накроет страну. Этого я боюсь больше всего, если даже Восток и Юг думает так в не малой своей части.

Оставаться умным и здравомыслящим в сумасшедшем доме очень сложная задача, – сказал он. А если отойти от пропагандируемой версии, то народу придется признать, что и в этот раз его поймали в извращенной форме, извратив всё, даже родственные узы порушив, и сделали это свои же, выбранные ими на майдане. Еще месяц назад племянница сказала мне: «У нас нет никаких фашистов, и нам нравится нынешнее правительство». Раз нравится – пусть живут с ними дальше, и флаг им в руки, хоть украинский, хоть, блин, бандеровский. Зачем я на самом деле лезу со своим сочувствием и помощью? Мне стало больно слышать теперь, как русские говорят: «русский и украинский народ – братья». Так и хочется крикнуть: «Были!». Одурманивание мозгов дало свои результаты. Молодежь, понятно, делает то, чему ее научили. А старшее население? Видимо, это заразно...

О, этот великий мифический Укр, который первый начал возделывать землю, первый изобрел колесо и первый приручил лошадь, и далее – по списку. Было бы логичнее сказать, что вначале первым человеком Бог создал того самого Укра (чего уж стесняться). А они и не стеснялись, Николай выяснил для себя удивительные по своей абсурдности вещи, переданные, как исторический факт о том, что украинцы появились 140 тысяч лет назад, и ведут свое происхождение от древнего Укра, тогда как все остальные произошли от обезьяны. Он не знал, как к этому относиться, и первым чувством, которое испытал от такой информации, был,

конечно, смех. Но перед событиями на майдане в телевизионных шоу вполне серьезно обсуждался вопрос о том, что ДНК украинцев – самое лучшее. Однако, ему было известно, что генетический анализ, выделяющий соотношение основных этнообразующих компонентов указал на то, что они – общие для всех славянских этносов как восточных, так и западных, и никакого особенного украинского выявлено не было. Нечего людям делать: занимаются такими глупостями, когда давно уже известно из истории языка, что предком для всех славян был древнеславянский язык, а разделения на украинский и белорусский случилось в следствие территориальной обособленности: эти языки откололись и выросли на поле древнерусских диалектов. Но украинцы, уверовав в древнее украинское государство с центром в Киеве, теперь не хотят признавать, что когда-то мы все были единым народом.

О чем это они? Вот документ – выдержка из Указа царя Ивана Грозного: «...а всех юродивых и убогих ссылать на Окраину, в Галицию, там им дуракам место» (царь, конечно, жестокосердным был, это известно, но основное в этом тексте – географическое обозначение места). Позже с названием «Окраина» произошли некоторые метаморфозы. Само же понятие «Украина» было выдуманно офицерами австрийского генерального штаба для обозначения той части территории Малороссии, которая должна была войти в состав Австро-Венгерской империи. Чем им не нравилось старое на-

звание «Малороссия»? Тем, что в нем присутствовало напоминание о России. Но такая национальность «украинец», до того момента, нигде не была зафиксирована: ни в каких исторических документах со времен Римской империи, когда эта часть земли Среднего Приднепровья была еще непокорённой окраиной империи и поэтому считалось, что на ней живут жители окраины, а национальность этих жителей: скифы и сарматы. Николай мог добавить к этому еще одно племя, проживающее там – это ногайцы, потому что недалеко от нынешнего Бердянска существует город Ногайск, который во времена его детства еще был селом, затем поселком. А в местном музее он рассматривал с интересом изображение ногайских кибиток, утварь старинную, украшения, но ни про каких древних укров речи не шло. Тем же римлянам были известны славяне и руссы. Что же касается украинского языка, то даже в Речи Посполитой он назывался «руська мова», и только в 1854 году появилась, так называемая «кулешовка» (по имени Пантелеймона Кулеша, который ее изобрел, как писал сам: «С целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться, я придумал упрощенное правописание»). Сама же программа украинизации началась еще в конце XIX века и в ее основе лежала переиндентификация малороссов и Галицких русинов в так называемых «украинцев», по этой причине и была запущена идея «самостийной украинской нации» в рамках автономии на территории Австро-Венгрии, и с этого же времени

в Вене в печати появилось вместо понятий «Русь», «русский» термины «Украина», «украинский». А вот и документ, подтверждающий это. В мемуарах генерала Гофмана за 1926 год: «Создание Украины не есть результат самодеятельности русского народа, а есть результат деятельности моей разведки». Самонадеянно, конечно, но всё, тем не менее, шло четко по его плану. Он радел за свой немецкий народ и поэтому хотел Украину (окраину) выделить как буферную зону – некую территориальную ограду земель Австро-Венгрии и Германии от России.

Что ж поделать, – думал Николай, они и тогда уже нас бо-
ялись.

А теперь украинцы стараются всячески доказать уникаль-
ность своей нации, а самое главное – вычеркнуть русский
язык из семейства славянских. И пытаются применить «на-
учное», как им кажется, подтверждение. Николаю попада-
лись некие таблицы, в которых одно и то же слово, напри-
мер, «утро» писалось на украинском, белорусском, польском
и русском языках, и получалось, что только у последнего
корень был другой, делался вывод, что русские – не сла-
вяне. Неужели они не понимают, что польский язык более
древний, чем украинский и белорусский, и что эти слова за-
имствованные из него, в силу того, что огромные террито-
рии, населенные ныне этими двумя народами, принадлежа-
ли Польше? Да и сам украинский язык, если говорить в об-
щем, ни что иное как смесь русского и польского языка. Мои

доводы бесполезны, – думал он, – ведь глядя в тусклые глаза потомков Бандеры, я готов был бы согласиться со всем, если бы мне к виску приставили такой убедительный аргумент как автомат. Детям было проще, им просто другого не рассказывали. А остальные – великовозрастные просто не заметили сами, как стали другими, ведь принятие яда в малых дозах не ведет к смерти, но приводит к привыканию. Однако, яд остается ядом, как не подслащивай его.

Для Николая опасность состояла в том – как в этом миксе отделить одно от другого, исходя из своего личного негативного опыта общения с теми, кого он хорошо знал, как ему казалось до сих пор. Но ведь многие люди бегут оттуда сюда – к своим родственникам или просто бегут, чтобы убежать от опасности, в страхе за своих детей (разве можно бежать к врагу?), – размышлял он, – значит, кто-то же способен видеть реальность, а не картинку, нарисованную теми, кто хочет сделать жизнь удобную только для себя самих? Но что может быть проще для прояснения мозгов, когда идет по центру Киева отряд крепких парней со свастикой на рукавах под красно-черными знаменами? Неужели существует какое-то иное видение, кроме хорошо известного варианта, пережитого миром в середине прошлого века? Я больше не могу об этом думать, – говорил он сам себе, и не хочу больше. Когда некоторые из питерских приятелей, зная о его этнической близости с украинцами, которую он никогда и не скрывал, пытались выпытать у него, что он сам обо всем этом

думает и как, по его мнению, всё сложится там в дальнейшем, он отвечал:

– Бог видит всё...

И оставлял, конечно, в недоумении своих друзей, для которых его ответ был слишком обтекаемым и даже двусмысленным (а вдруг он считает русских в чем-то виноватыми?)...

А он просто говорил то, что думал на самом деле. Там живут люди, с которыми он прожил многие годы рядом, и если даже они сейчас воспринимают всё не так, как он, наверное, нужно подождать, пока пройдет время и для тех людей станет очевидным, что ими управляют те, кто имеет свои личные планы, но со счастливой жизнью самого украинского народа они никоим образом не связаны. Ждать, когда это случится, страшно, потому что он не желает им зла, но изменить ничего не возможно, биться головой в закрытые двери – бесполезно. В конце концов, когда я вижу бедное африканское племя, – думал Николай, – когда я вижу голодные глаза малыша – у меня тоже щемит сердце, но я не еду в Африку и не даю хлеба этим людям. Но это сравнение как-то не очень успокаивало. Может быть, мы стали более обособленными в себе? У нас много своих проблем, в которых редко кто тебе помогает, соответственно, ты решаешь их сам, и меняется взгляд относительно других людей: это их проблемы – не мои, пусть они и решают. Мы больше не поем вместе песен. Всё разделилось: страны, люди, и продолжаем

разделяться на более мелкие сегменты вплоть до личностного «Я». Мир мельчает до маленьких островков с названием «эго»: от одного до другого тысячи миль океана. Зона отчуждения – налицо. Иногда он ловил себя на мысли, что ему и не хочется приближаться ни к чему, ни к кому. Это оказывается слишком ответственным занятием. И в личной жизни легкие интрижки, краткосрочные встречи, оставляющие в душе ощущение надломленной, хотя и не сломанной до конца ветки: так – случайно задел – надломил. Но ведь она все равно погибнет – высохнет... Дело было не в тех женщинах, от которых он ушел когда-то, дело было в нем самом. В молодости казалось, что он обретал, имел, получал, завоевывал, обладал, владел: это что-то такое сильное, мужское, данное природой, сопутствующее успешному человеку. Что же потом осталось? Эти ветки отломанные, сухие, острые, с заусеницами, с колючками? Откуда взялись? Все, вроде, как прежде – тоже самое, а всё наоборот: потери, потери, потери. Кого ты сделал счастливым? Некоторые плакали, когда ты уходил. Если ты имел и владел, то где тогда эти полные любви глаза, обращенные к тебе с такой лаской и преданностью? Способен ли ты был оценить взгляд такого человека, который открывал тебе свое сердце – ненужное тебе, но она не знала этого, ты ей не говорил ничего, чтобы удержать рядом с собой до того времени, пока тебе это будет нужно. Ты расставлял границы и отмерял расстояние, ближе которого не подпускал к себе никого. Твоя женитьба стала в

дальнейшем лишь стопроцентным алиби, защитой от посягательств на твою свободу в таких отношениях, обреченных заведомо на расставание, в то время как сам ты переступал чужие границы, подступал совсем близко, проникал внутрь тела и в глубину души, может быть, искренне и доверчиво любящей... Разве тебя волновало это, и что она потом будет страдать – та женщина? Хотя когда-нибудь тебя остановило это? Красивая, умная, сексуальная... Хочу, чтобы была моей! Вот что двигало: неумная жажда обновления. Николай не считал свою влюбчивость чем-то негативным, неправильным. Человек должен радоваться жизни, и ведь кому-то и он сам давал радость, пусть и не столь длительную, – так он думал. Получается, что искал в этой жизни совсем не то, о чем когда-то мечтал, обозвав со временем прошлые мечтания юношеским максимализмом, и став взрослым, ни разу не усомнился в том, что делает что-то не то. Так все живут, а почему он не должен... Вот уж глупо было бы рассуждать о чувстве долга с позиций пионерской клятвы... А до истинно религиозного сознания он не дорос, да и не особенно стремился, понимая, что тогда могут произойти какие-то разногласия с самим собой, а Николай предпочитал не копать в себе, он работал и отдыхал так, как нравилось, считая, что имеет право сам распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Он не верил тем, кто пытался в религии найти ответы на все вопросы, но вполне допускал, что для какого-то незначительного числа личностей духовно одарен-

ных, истинно верующих, в процессе тяжелых размышлений и нравственных мук, этот путь может открыться, но не для тех, кто говорит об этом с таким апломбом, желая пристыдить его в греховности. Если Бог видит нас, как на ладони, то что ж я буду тут перед ним изображать из себя смиренного белого агнца, когда таковым не являюсь, и Он знает об этом так же хорошо, как я, – говорил он себе, или Богу, что, возможно, происходит одновременно, исходя из того, что Он слышит нас, иначе – какой смысл был бы в шептании молитв, обращенных к небесам... Вопрос заключался для него в другом. Отчего я все-таки не чувствую себя счастливым, имея возможность обладать, владеть, и так далее – по списку? Николай не знал ответа. Может быть, потому, что раньше редко задумывался над такими глубокими вещами. Люди, как правило, так далеко не заплывают: можно и не выплыть во-все или увидеть то, что совсем не захочется видеть и знать о себе самом. Почему он столько лет живет с человеком – с матерью его детей – с женщиной, которую давно не любит, и не известно, любил ли вообще когда-нибудь, или так сложились обстоятельства? Это был один из тех вопросов, которых не следовало задавать себе, как он понимал, потому что тогда сразу он почему-то оказывался на даче – один на один с бутылкой коньяка, спрятанной на черный день. Говорят, что не стоит никогда и ничего оставлять на черный день, иначе он обязательно наступит. В одиночестве больше правды, – думал Николай, – а если о своем сокровенном совето-

ваться с друзьями, то тебя начнут утешать и говорить, чтобы выбросил из головы эту ерунду, потому что всё и во всех местах у тебя хорошо, и что это – обычная депрессия от переутомления. Он знал заранее, ибо уже проходил эти дружеские сеансы психотерапии в бане под пиво и под крепче, и под жарче, и под моложе... Он перестал искать легкие пути, когда неожиданно для себя понял, эти пути – места общего пользования, он же искал свое личное пространство, где ему будет хорошо, желал этого и одновременно боялся, что когда-нибудь найдет, ведь тогда перед ним встанет неминуемо, как заря в небесах, выбор. Но беда в том, что мужчина – существо умное и ему легче придумать какую-нибудь сложную схему оправданий своим поступкам и своей жизни, чем воспользоваться видимым, предельно ясным, очевидным и простым решением, которое, однако, заставит его что-то менять в устоявшейся и в общем-то не во всем плохой семейной жизни. Привыкает же кот к дому, возможно, внутреннее устройство в чем-то совпадает у меня с ним, – рассуждал Николай, потирая пальцами холодный приземистый бокал, в котором плескалось темно-янтарное ароматное море. Он отдавался этим волнам, качающих его, они успокаивали невесть откуда явившиеся тревожные мысли. Жизнь не имеет точного определения, всё – приблизительно в этом мире, а при ближайшем рассмотрении вполне может оказаться, что она настолько проста в своем изначальном смысле, а уже более сложные смыслы мы вкладываем в нее сами, они пови-

сают на ней как игрушки на новогодней елке. Причем здесь Новый год? – спросил он у себя, уже почти засыпая. Новый год еще так далеко. И кто знает, в чем он станет новым. Лучше об этом мне вообще не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.